

Рис.3. «Книга Двух путей» и «Тексты саркофагов» на внутренней части саркофага из Дейр эль-Берше, 1900-1800 гг. до н.э.

© Пяничук О.

О благовониях, парфюмерии, лекарствах и красителях как ремесленной продукции и их специализации в Византии IV–IX вв.

Сорочан Екатерина

Сорочан Катерина. Про благовонія, парфумерію, ліки та барвники як ремісничу продукцію та їх спеціалізацію в Візантії IV-IX ст. В статті виділений та проаналізований асортимент візантійської торгівлі товарами «toiauta eis myrepsiken kai

baphiken syntelosin», визначена територіальна сфера її розповсюдження. Також автором дана характеристика торгової спеціалізації, що дозволило виявити шість професій в області торгівлі благовоніями, парфумерією, ліками та барвниками.
Ключові слова: торгівля, Візантія, мірепс.

Sorochan Katherina. About the perfumes, cosmetics, medicines and dye-stuffs as a craft production and their specialization in Byzantium in IV-IX centuries. In the article the assortment of Byzantium trade of goods «toiauta eis myrepsiken kai baphiken syntelosin» was selected and analyzed, the territory sphere its prevalence was clearly defined. Also it was made an attempt to give a description of trade specialization, which had made it possible to reveal six professions in the trade field of perfumes, cosmetics, medicines and dye-stuffs. **Key words:** trade, Byzantium, myrepsos.

Благовония, парфюмерия, лекарства и красители представляли собой особую группу ромейской торговли, наиболее динамичного элемента и общества, и экономики Византийской империи, охватывавшей не только территории Европы, но и Азию и Африкой. Именно эту группу товаров выделяли из века в век сами ромеи, на что указывает сборник законодательных постановлений, касающихся торгово-ремесленных систем Константинополя – Книга Эпарха. Этот же источник называет специализированных торговцев указанными веществами. Такое выделение, вероятно, основано на вещественном принципе однородности товаров, что могло создавать удобство и практичность при транспортировке и торговле ими, ибо основная часть их являлась сыпучими, порошковидными, пахнущими или красящими, к тому же все они везлись с Востока, а значит, мог учитываться территориальный спектр торговли. Кроме того, обращает внимание некоторая взаимосвязь в применении этих веществ.

Целью предлагаемого исследования является выяснение ассортимента и структуры торговли данной группы товаров, территориальной сферы ее распространения и собственно определение торговой специализации, основываясь на группе источников, среди которых следует особо отметить из законодательных – Свод гражданского права, Книгу Эпарха, из энциклопедических – Геопоники, из эпистолярных – письма Феодора Студита и епископа Игнатия Диакона, тогда как акты данные представлены Оксирихскими папирусами. Подспорьем служат также археологические материалы из византийских центров.

Специально проблема нашего исследования почти не разрабатывалась, ее лишь косвенно касались различные исследователи, среди которых наиболее полно проблему осветил И. Кодер. Вопрос о мірепсах рассматривали М. Я. Сюзюмов (при анализе Книги Эпарха) и

А. П. Каждан в статье для Oxford Dictionary of Byzantium. Однако расхождения, имеющиеся у исследователей, требуют уточнений.

В византийской торговле, как и в римской, довольно часто фигурировали различные благовония, такие как бальзам, мирра, кардамон, стиракс, нард, майоран, амарант, плоды ююбы, ладан, масло лилий, хна и многое другое [7, с. 98-110; 8, с. 72-79; 14, с. 128; 26, р. 112-118].

По давней традиции все благовонные товары, привозившиеся с Ближнего и Дальнего Востока, византийцы считали индийскими. Дигесты упоминали в их числе «ароматы» (*aroma Indicum*), опиум (*opia Indica*) [16, XXXIX. 4. 16. 7]. Георгий Кедрин сообщал, что Лев V (813 – 820) послал монаху Филомилию в благодарность за сбывшееся предсказание «...ароматы, такие же, какие прибывают к нам (ромеем – Е. С.) из Индии» [17, р. 54]. На самом деле далеко не все эти товары поступали из Индии. Их давним, традиционным экспортером были Сирия и Палестина, чьи благовония, мази и парфюмерия достигали через посредников самых отдаленных рынков. В первой половине VII в. клейменные глиняные амфориски, стеклянные шести и восьмигранные орнаментированные флаконы палестинского производства, разумеется, не пустые, поступали в византийский Херсон [4, с. 52-54; 11, с. 283-284]. Аналогичные находки амфорисков известны в Константинополе, Эфесе, Коринфе, Афинах, Родосе, городах Киренаики. Не случайно бальзамии исчезают во второй четверти VII в. с завоеванием Палестины арабами, однако это не значит, что соответствующий византийский рынок оказался отрезан от Востока. Ибн Хордадбех писал, что еврейские торговцы, прозванные ар-Разани, то есть «Знающие путь», во время своих транзитных поездок через Китай и Средиземноморье доставляли на продажу в Константинополь мускус, дерево алоэ, камфары, корицу – кинамон и другие экзотические продукты восточных стран [5, с. 124]. Не исключено, что основным центром сосредоточения этих купцов была Сирия и космополитами их делала профессия, но не отсутствие родины.

Откуда-то с Востока, возможно, через северные ответвления «Шелкового пути» поступали в ромейскую Халдию и Трапезунд «товары, относящиеся к разряду благовоний и красящих, чтобы оттуда быть перепроданными в другие центры империи» [5, X. 2]. Следовательно, лишь Италия утратила к концу поздней античности свое прежнее значение одного из основных центров производства и поставок благовоний, но запад Малой Азии и Сирия оставались в их числе.

Анализ перечисленного в Книге Епарха показывает, что это была не столько искусственная парфюмерная продукция, сколько сырье, полуфабрикаты, ингредиенты для нее, которые сами по себе могли иметь многообразные варианты использования. Собственно готовым естественным благовонием являлся лишь ладан (*libanos* вместо античного *ladanon*) или фимиам (*thymiamata*) из южной Аравии, северной Африки, который применяли в лекарственных целях, для изготовления

косметики, но главным образом при богослужении [2, с. 203; 3, с. 130; 24, S. 228; 35, р. 62. 9]. Очевидно, сработывала старая привычка использовать в литургических целях только естественные смолы.

Масло, известное в античности как нард (*nardos*), теперь называлось ромеями *stachos* и доставлялось исключительно из Сирии, хотя родиной самого растения являлись Китай, Непал, северная Индия, Цейлон и Япония [2, X. 1; 24, s. 224-225]. Судя по Геопоникам, стахос находил одинаково широкое применение как в парфюмерии, так и в фармацевтике.

Еще большим спросом пользовалась смирна (*smurna*) или мирро – душистая смола миррового дерева (*Commiphora abyssinica*), росшего в южной Аравии, Абиссинии, Сомали, тропической Африке [2, X. 1; 24, s. 226-227]. Ее наравне с ладаном пускали в ход в культовых целях, использовали для бальзамирования, изготовления косметики, добавляли к вину в медицинских целях [3, VII. 13. 1, VII. 36, VIII. 25. 3, XIII. 2, XVI. 7. 1, XVII. 15. 5, XX. 2. 1]. Столь же широк был спектр применения дерева алоэ (*xylaloe*), привозимого из Аравии, Африки, северо-западной Индии, Цейлона, Явы или Суматры [2, X. 1; 24, s. 228-229]. Из него тоже готовили лекарственное вино (*aminnaios oinos*), использовали в парфюмерии, в литургических целях, а также как краситель для тканей [3, VI. 6. 2, VI. 8. 1, VII. 13. 1, VII. 24. 4, VIII. 22. 1].

К одним из самых известных, давно используемых в качестве благовония и в медицинских целях, а в средние века еще и в кулинарии, как приправа к кушаньям и вину, относились касия (*kasia*) или кинамон (*kinamomon*) – кора и масло из нее [2, X. 1; 3, VI. 7. 1, VII. 13. 1. 4, VIII. 21. 1, VIII. 22. 2, VIII. 25. 3, VIII. 35, VIII. 82. 2, XIII. 12. 2, XVIII. 2. 4; 12, С. 196; 24, s. 225-226]. Особенно популярны были ароматические смеси из роз, служившие средством для борьбы с болезнями [3, с. 27; 9, с. 123], а также благовонные розовое масло и розовая вода (*rodostagma*, *rodostatos*) [9, с. 84; 15, р. 466].

Другая часть благовоний имела животное происхождение. К таковым относился мускус (*moschos*), который М. Я. Сюзюмов считал растительным [2, X. 1]. Необходимую поправку сделал И. Кодер, уточнивший, что это был секрет кабарги (*Moschus moschiferus*), парнокопытного животного подотряда жвачных, обитающего в горной тайге Азии. Мускус доставляли с Тибета, Индии, Цейлона, он прекрасно служил нуждам парфюмерии и медицины [24, s. 227-228]. В этих же целях ромеи использовали амбру (*ambar*) – прекрасный закрепитель ароматов, который представлял собой воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалота, водившегося в Индийском океане (*Psyseter macrocephalus*) [2, X. 1; 24, s. 227].

Все это соответствующим образом перерабатывалось византийскими мастерами и шло в продажу, причем не только в пределах империи. Арабские источники свидетельствуют о той высокой репутации, какой пользовалась готовая продукция ромейских парфюмеров в IX в.

в мусульманских землях, куда ее экспортировали специализированные торговцы – мирэпсы [24, s. 221].

Неотъемлемую часть этих товаров составляли медикаменты, которые шли в одном перечне с благовониями и красящими веществами. Феофилакт Симокатта называл лекарства, которыми пользовались ромеи, «смягчающими средствами», «чудесным даром Асклепия» [12, с. 43], которые были вполне доступны каждому.

В основном это были гомеопатические средства. В медицинских целях, в виде добавки к вину ромеи использовали ароматные смолу бальзамон и плоды этого дерева (*barxen*, *xylobalsamon*), росшего в Сирии, Палестине и южной Аравии [2, X. 1; 3, VII. 13. 4; 24, s. 229]. Как лекарство для лечения болезни желудка и груди применялся полукустарник с душистыми листьями, *zygaia* – иссоп, по переводу Ж. Николя [2, X. 1; 3, VII. 1]. (И. Кодер пропустил его в своем переводе и комментарии источника). Наконец, в медицинских целях могли использовать продававшееся бакалейщиками – салдамариями кедровое масло или смолу (*kedria*) [2, XIII. 1].

Разумеется, не все эти вещества были готовы к употреблению без соответствующей фармацевтической переработки. Например, Игнатий Дракон (первая половина IX в.) упоминал в своих письмах целебные мази, конечно, требовавшие специального приготовления [18, Ep. 13, col. 32. 9-10; 21, p. 199]. На это же указывают находки при раскопках византийских больниц терочников, ступ, стеклянных сосудов в виде подносилов, керамических горшочков, тарелочек с сакральными надписями по бортику [11, с. 975-976]. О том, что это был ценный товар, отпуск которого к тому же требовал точности, свидетельствует необходимость в его взвешивании на равноплечных двучашковых весах (*ton zygon*).

Что касается парфюмерии, следует отметить, что вопреки распространенному мнению, искусственные парфюмерные, косметические вещества, духи, благовония и масла не были престижными элитарными товарами, которые широко употребляла главным образом аристократия и духовенство. Потребителем парфюмерии на рынке продажных вещей могли быть самые широкие слои населения, как это наблюдалось в античном греко-римском обществе. Недаром в византизированной юго-западной Таврике румяна встречаются в обычных погребениях VI – VII вв. [1, с. 44] и редкость таких находок объяснима, скорее, влиянием христианства на погребальный обряд, на представления о смерти, чем особым дефицитом и крайней дороговизной этих товаров. Богатая «культура косметики», присущая даже периферийным провинциальным античным городам, не могла быть забыта без следа, несмотря на сдерживающее влияние проповедников новой религии, с гневом обрушивавшихся на чрезмерное увлечение румянами, пудрой, белилами, тенями и красками для лица и волос.

И, наконец, последнее уточнение к данной группе товаров – красителям, бывших отчасти объектами внешней торговли, иногда

трансконтинентальной и международной. Среди них можно назвать кошениль, пальмовый сок для изготовления краски (краска “Драконова кровь” рода киновари из сока пальмы *Calamus Draco*), какими пользовались ремесленники в византийской Италии. Но наиболее ходовыми красителями, а точнее, сырьем для них, были корень марены и лепестки сафлоры красильной – травы семейства сложноцветных, позволявшие получать яркую красную краску разных тонов – от коричневого до розового, а также красители из индигоносных растений для окраски в разные оттенки синего цвета.

Книга Эпарха в разделе о мирэпсах – торговцах благовониями, лекарствами и москательными товарами называет в номенклатуре товаров четыре вещества, относящиеся к разряду красящих (*baphika*). Это *loulake*, которое Ф. Кукулес считал синькой, а М. Я. Сюзюмов – особым видом душистой свеклы [2, X. 1; 25, s. 31]. И. Кодеру удалось уточнить, что это было индигоносное красящее вещество (*Indigofera tinctoria*), доставлявшееся из Индии, которое служило для окрашивания тканей и приготовления красок для росписи книг [24, s. 229-230]. Те же оттенки цвета – синий, ультрамарин – позволяла получать лазурь или ляпис лазурь (*lazouge*), которая служила для изготовления краски и для медицинских целей и которая поступала к ромеям с территорий к северу от Гиндукуша и к югу от Байкала, а скорее всего, как указывал М. Я. Сюзюмов, из персидского Ирана [2, X. 1; 24, s. 230-231]. Из Южной и Центральной Азии везли хрисокил (*chrysoxylon*) – продукт скупии кожевенной (*Rhus coggygrica* Mill.), который использовали как краситель зеленого и коричневого цвета [2, X. 1; 24, s. 231].

Сложнее решить вопрос в отношении того, что называли *lacha*, *lachanon* [2, X. 1]. По Ж. Николю, это медовка, по А. Штёкле – шалфей, по Ф. Кукулесу – особая краска для подкрашивания глаз. М. Я. Сюзюмов приводил разные версии, но своего мнения не уточнил. Убедительней других выглядит трактовка, предложенная И. Кодером. С его точки зрения, мирэпсы имели дело с шеллаком – смолистым веществом некоторых тропических и субтропических растений (*Ficus religiosa*, *Ficus indica*, *Ziziphus jujuba*, *Butea monosperma*) из Южного Китая, Восточной Индии, Цейлона, которое употребляли в качестве лака при изготовлении краски, в том числе красной, необходимой для росписи книг [24, s. 230].

Одним из самых дорогих красителей продолжал стабильно оставаться пурпур, добывавшийся из редкого вида улиток, а ранневизантийский город знал специалистов по его изготовлению (*kogchyleutai*) [23, s. 27]. Особенно славился “тирийский пурпур”, то есть тот его сорт, что доставлялся из сирийского Тира: Феофилакт Симокатта называл краску из него “настоящей” и “многоценной” [12, с. 23]. Рассказывая о строительной деятельности Феофила (829-842), Продолжатель Феофана объяснял первоначальное название Порфиры, одного из залов Большого дворца, тем, что во время ежегодно отмечаемых в ноябре празднеств –

брумалій імператриці издавна раздавали там пурпурну краску, которая шла наравне с самыми дорогими подарками [10, с. 65].

Торговля указанными выше товарами требовала определенной упорядоченности, а следовательно, и специализации. Поздняя античность знала несколько разновидностей торговцев парфюмерией, красителями и лекарственными веществами. И. Кодер, ссылаясь на Маркварта, называет следующие три категории: *myropolai* (*unguentarii* или *seplasiarii*), *pementarioi* (*pigmentarii*) и *lebanotopolai* (*thurarii*) [24, s. 232]. К этому можно добавить специальность ароматопола (*aromatopoles*), которую едва ли стоит связывать лишь с продавцом пряностей, как перевел Э. Софоклес [27, Р. 260]. К примеру, с «ароматами» имел дело отец Симеона Стилита Младшего (Дивногорца), ремеслом которого было «составлять» и продавать их [35, Col. 2993]. Понятно, что агиограф не мог сказать так о растительных приправах.

В ранневизантийском Египте наибольшее распространение получила профессия миропола (*myropoles*), торговавшего в специализированных эргастриях – мирополиях самыми разнообразными товарами и ингредиентами, относящимися к парфюмерии, пряностям, лекарствам, красителям, причем преимущественно привозным [13, с. 32; 14, с. 128; 20, Р. 125-129; 28, р. 16 (№ 1829-2063)]. Следовательно, слишком строгой специализации среди них не было. Иоанн Дамаскин (первая половина VIII в.) упоминал об изготовлении бальзама (*balsamourgia*), но этим тоже мог заниматься ремесленник – парфюмер «широкого профиля» [19, Col. 692 D].

Связь с импортом улавливается и у *aromatopratai*, продавцов ароматов, об улучшении положения которых рассказывал в своем письме от 801 г. Феодор Студит, похвально говоря о политике отмены пошлин, проводимой василисой Ириной в последние годы ее правления [31, Col. 922 C-D]. Нет оснований видеть какие-либо принципиальные различия между этими торговцами и мирэпсами (*myrersoi*), одно из первых упоминаний которых содержится в комментариях к 68 канону Пятошестого (Трулльского) синода 691 / 692 гг. [24, s. 221]. Книга Эпарха однозначно называет только этим термином тех, кто покупал и продавал ароматические, пряные вещества растительного и животного происхождения, гомеопатические лекарства, вещества, необходимые для изготовления красителей и красок, то есть москательные товары [2, V. 4, X. 1, 2. 5-6, XIII. 1]. Очевидно, такое сочетание ассортимента было привычным, давно сложившимся, а не следствием возраставшей диффузии специализации. Например, торговцы лекарствами, снадобьями (*pharmakopolai*), известные в Оксиринхе III в., были одновременно монополистами на местном рынке по продаже квасцов [14, с. 128-129].

Однако подчеркивать, что мирэпсы были не только изготовителями «мира» (*myron*), как это делает И. Кодер, вряд ли следует. «Варка «мира» (смеси оливкового масла с различными душистыми веществами) была для мироваров второстепенным занятием» [2, с. 202]. Значит, употребление

термина «мировар» по отношению к мирэпсам должно пониматься условно, а не буквально, и ревизировать его нет необходимости.

Наше исследование позволяет утверждать, что Малая Азия, Сирия и Палестина оставались в раннее средневековье в числе изготовителей и поставщиков благовоний, парфюмерии, лекарств и красителей, а отсутствие аналогичной продукции Италии компенсировалось устойчивым и широким импортом соответствующих ингредиентов растительного и животного происхождения с Востока (Ирана, Аравии, Средней Азии, Тибета, Китая, Индии, Цейлона, Африки). Объединяющим фактором для выделения товаров в отдельную группу являлась специализация в области производства данной ремесленной продукции и торговли ею. В самой же специализации можно выделить шесть профессий, связанных с изготовлением и продажей, однако каких-либо принципиальных отличий среди них не наблюдается.

Литература

1. *Амброз А. К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV – VII вв. / *А. К. Амброз* // *Материалы по археологии и этнологии Таврики.* – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 31-88.
2. *Византийская книга Эпарха:* Вступ. ст., пер., коммент. *М. Я. Сюзюмова.* – М., 1962.
3. *Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в.* / Введ. пер., коммент. *Е. Э. Липшиц.* – М.; Л., 1960.
4. *Голофаст Л. А.* Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона / *Л. А. Голофаст* // *Византия и сопредельный мир.* – Свердловск, 1990. – С. 50-54.
5. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран: Пер. с араб., коммент. *Н. Велихановой* / *Ибн Хордадбех.* – Баку, 1986.
6. *Ирмишер И.* Византия и Индия / *И. Ирмишер* // *Византийский временник.* – 1984. – Т. 45. – С. 66-71.
7. *Кадеев В. И.* Парфюмерия и косметика в античном Херсонесе / *В. И. Кадеев* // *Древности 1995.* – Харьков, 1995. – С. 98 – 110.
8. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I – III вв. н. э.) / *В. И. Кадеев.* – Харьков, 1996.
9. *Поляковская М. А.* Византия: быт и нравы / *М. А. Поляковская, А. А. Чекалова.* – Свердловск, 1989.
10. *Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей* / Изд. подг. *Я. Н. Любарский.* – СПб., 1992.
11. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / *С. Б. Сорочан.* – Харьков, 2005. – Ч. 1-2.
12. *Феофилакт Симокатта. История:* Пер. *С. П. Кондратьева.* – М., 1996.
13. *Фихман И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII вв. / *И. Ф. Фихман.* – М., 1965.
14. *Фихман И. Ф.* Оксиринх / *И. Ф. Фихман.* – город папирусов. – М., 1976.
15. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii.* – Bonnae, 1829. – Vol. 1.

16. Corpus juris civilis. – Berolini, 1908. – Vol. 1: Digesta. – Ed. stereotypa undecima. – P. 1-959.
17. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emandatus. – Bonnae, – 1839. – Т. 2.
18. Ignatii Diaconi epistulae. – London, 1981.
19. Ioannis Damasceni Opera omnia // Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca. – 1864. – Т. 94.
20. Johnson A. Ch. Byzantine Egypt: Economic Studies / A. Ch. Johnson., L. C. West. – Princeton, 1949.
21. Kazhdan A. Ignatios the Deacon's Letters on the Byzantine Economy / A. Kazhdan // Byzantinoslavica. – 1992. – Т. 53. – Fasc. 2. – P. 197-201.
22. Kazhdan A. Perfumes and unguents. / A. Kazhdan // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – P. 1627-1628.
23. Kirsten E. Die byzantinische Stadt / E. Kirsten // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress, München 1958. – München, 1958. – Bd. 1. – S. 1-48.
24. Koder J. Die Drogisten und ihre Waren im Eparchenbuch (EB 10.1) / J. Koder // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып.26). – Барнаул, 1992. – S. 220 – 236.
25. Koukoules Ph. Byzantion bios kai politismos / Ph. Koukoules – Athenai, 1951. – Т. 4.
26. Miller J. I. The Spice Trade of the Roman Empire. 29 B. C. to A. D. 641. / Miller J. I. – Oxford, 1969.
27. Sophocles, E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From BC 146 to AD 1100) / E. A. Sophocles. – New York, 1893. – Vol. 1-2.
28. The Oxyrhynchus Papyri. – London, 1924.
29. Theodori Studitae orationes et epistulae // Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / Ed. J. -P. Migne. – 1864. – Т. 99. – Col. 327-1824.

© Сорочан Е.

О влиянии христианских догматов на отношение рыцарства к войне: новый взгляд на взаимодействие общественных институтов

Шамшина Дарья

Шамшина Дар'я. Про вплив християнських догматів на ставлення лицарства до війни: новий погляд на взаємодію суспільних інститутів. Досліджене у статті питання про вплив

Католицької Церкви на ставлення лицарської соціальної групи до її військового промислу дозволяє по-новому поглянути на ідеологічний компроміс зазначених інститутів. Концепція «умиротворення» приймає єдність політичних і економічних інтересів як причину до світоглядного зближення кліру та лицарства, але ж звертає увагу передусім на особливо велику роль морально-етичних чинників у середньовічну епоху. Отже, спроба деталізувати позитивний характер взаємовпливу визначає наукові перспективи сучасної медієвістики щодо проблеми лицарської ментальності.

Shamshina Darya. About the Impact of Christian Dogmatics to the Chivalry Relation to War: a New Opinion as to Interaction of the Social Institutions. The problem studied in the article consists in reconstructing of the new point of view to the positive Christian impact to chivalric culture, which is usually called «born to kill» civilization. Andoubtedly, the crusades had the unwritten agreement with the Church for the reasons of their common political or economical benefit, but religious and humane ideals played an extremely important role in the code of chivalric behaviour. Therefore, this paradoxical moral synthesis reveals for the scientists the deep specificity of European medieval mentality as well as future problems to be researched.

Обращаясь к уникальному характеру Средневековья, необходимо понимать, что в течении X-XV вв. морально-этический кодекс западноевропейского рыцарства представлял собой противоречивый сплав «трех начал», по меткому выражению французского медиевиста Жана Флори: военного, аристократического и церковного [28, с. 8]. Именно в этом ракурсе вопрос о христианском влиянии на помыслы и деяния рыцарей, в частности, на их отношение к войне, выступает одним из связующих и наиболее актуальных моментов в ходе исследования разнообразных источников, формировавших идеологию сословия. К тому же история понимания проблем войны и мира людьми средневековой эпохи и вопрос о воздействии войны на духовную жизнь общества по-прежнему остаются слабо изученными, на что неоднократно обращает внимание Н. И. Басовская [3, с. 45; 4, с. 151].

Изначально важно подчеркнуть отличие нашего взгляда на проблему от устоявшегося в советской историографии строго критического: оправдательная позиция Церкви по отношению к войне хоть и развязывала руки рыцарству в походах против неверных, но внутри Западной Европы, безусловно, имела умиротворяющий характер и проповедовала смирение жестокости, гордыни и буйной отваги по отношению ко всем безоружным и требовавшим защиты.

Сходная позиция прослеживается в трудах медиевистов дореволюционного периода, таких как Т. Н. Грановский, О. А. Добиаш-